

МОНОЛОГИ. ДИАЛОГИ. ДИСКУССИИ

От редакции. Лаборатория интегральной антропологии философского факультета ТГУ проводит серию межвузовских и межфакультетских «круглых столов» по антропологической проблеме «Право на жизнь и обязанность жить». Ниже мы публикуем материалы первого из них, посвящённого теме «Смертная казнь как нарушение права и обязанности жить: философские, юридические, психологические, историко-культурные контексты».

ПРАВО НА ЖИЗНЬ И ОБЯЗАННОСТЬ ЖИТЬ

«Круглый стол»

Томский государственный университет, 31 марта 2009 г.

Материалы «круглого стола» отражают широкий спектр мнений по проблеме смертной казни и права человека на жизнь. Проблема обсуждается в философском, социологическом, юридическом и культурологическом ракурсах.

Ключевые слова: Человек, жизнь, смерть, смертная казнь.

Ведущие «круглого стола»:

Аванесов Сергей Сергеевич, доктор философских наук, профессор, декан философского факультета, заведующий Лабораторией интегральной антропологии Томского государственного университета;

Петрова Галина Ивановна, доктор философских наук, профессор кафедры онтологии, теории познания и социальной философии философского факультета, ведущий научный сотрудник Лаборатории интегральной антропологии Томского государственного университета.

Участники «круглого стола»:

Уткин Владимир Александрович, доктор юридических наук, профессор, директор Юридического института Томского государственного университета;

Петров Юрий Владимирович, доктор философских наук, профессор, директор Института искусств и культуры Томского государственного университета;

Кряклина Тамара Фёдоровна, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой социально-политических процессов и технологий Алтайской академии экономики и права (Барнаул);

Детков Алексей Петрович, кандидат юридических наук, профессор Алтайской академии экономики и права (Барнаул);

Барнашов Александр Матвеевич, кандидат юридических наук, заведующий кафедрой конституционного и международного права Юридического института Томского государственного университета;

Барнашова Елена Вячеславовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории культуры Института искусств и культуры Томского государственного университета;

Петренко Валерия Владимировна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и методологии науки философского факультета Томского государственного университета;

Класен Александр Давидович, священник Томской епархии Русской православной церкви, преподаватель Томской духовной семинарии;

Вельтмандер Алексей Тимурович, студент 5-го курса Юридического института Томского государственного университета;

Ульянов Александр Юрьевич, студент 5-го курса Юридического института Томского государственного университета;

Мамыркинов Есимбол Аскабылович, студент 4-го курса Западно-Сибирского филиала Российской академии правосудия;

Елисеев Денис Владимирович, студент 4-го курса Западно-Сибирского филиала Российской академии правосудия;

Деменова Маргарита Владимировна, студентка 2-го курса Западно-Сибирского филиала Российской академии правосудия.

С.С. Аванесов. Вступительное слово. К постановке проблемы права на жизнь

Уважаемые коллеги! Друзья!

Позвольте начать работу «круглого стола», посвящённого теме человека – не просто одной из важнейших для современной культуры тем, но темы *центральной*, в последние годы всё более очевидной и всё более сложной. С одной стороны, теоретически несомненно, что любая проблема в современном обществе связана с человеком как основным субъектом всякого социокультурного процесса; с другой стороны, конкретный человек с какой-то странной лёгкостью и привычным постоянством «теряется» в исторических событиях, растворяется в социальных массах, всё более «исчезает» как уникальный деятель и самоценная личность. Не терять из виду этого «исчезающего» субъекта, восстанавливать и поддерживать его в его собственных правах – основная задача того общества, которое хочет удержать себя от превращения в тоталитарный механизм. Поэтому речь о правах человека так важна сегодня, когда всё ещё актуальны тенденции всяческой «массовизации», грозящие поглотить конкретного человека. И очевидно, что начинать говорить нужно с фундаментального права человека – права на жизнь. Вот этой теме мы и посвящаем сегодняшнее наше собрание (а может быть, и ряд последующих, если выяснится такая необходимость).

Наш «круглый стол» проходит в рамках серии мероприятий, инициированных Лабораторией интегральной антропологии философского факультета Томского университета; сквозная тема этих мероприятий – «Право на жизнь и обязанность жить». Сегодня здесь присутствуют преподаватели и студенты философского и психологического факультетов, Юридического института, Института искусств и культуры Томского государственного университета, Западно-Сибирского филиала Российской академии правосудия, Алтайской академии экономики и права. Мы собрались, чтобы обсудить одну из актуальных проблем современной философии и юридической науки – проблему смертной казни как насильственного отнятия права на жизнь.

Тема права человека на жизнь связана с целым комплексом теоретических и, видимо, практических проблем. Эти проблемы являются по своему характеру и философскими, и юридическими, и психологическими. Поэтому важен комплексный анализ данной проблематики, и в нашем «круглом столе» принимают участие и философы, и психологи, и юристы, и культурологи. Как можно было бы обозначить эти проблемы? В самом общем смысле, *является ли право на жизнь неотчуждаемым признаком человека как личности, как ответственного субъекта, как гражданина либо этим правом можно пренебречь в определённых обстоятельствах (и тогда каковы эти обстоятельства)? Не является ли само предположение о возможности утраты человеком права на жизнь дегуманизирующим фактором либо такая возможность, напротив, свидетельствует о гуманном характере того общества, в котором эта утрата предполагается?* Исчезновение личности в массе, технологизация и дегуманизация жизни, привитая XX в. привычка соглашаться с приоритетом господствующих идеологий и даже социальных технологий – эти и подобные им культурные обстоятельства подчёркивают сугубую актуальность указанной проблематики.

Если детализировать данную проблематику, то возникают следующие вопросы:

Человек как субъект *права* на самого себя и человек как существо, *обязанное* быть кем-то, – как сочетаются эти определения человека?

Обусловлено ли всякое право *обязанностями*? Если да, то какими обязанностями обусловлено право на жизнь? Или это *безусловное* право?

Если лишение права на жизнь является наказанием за несоблюдение обязанностей, то не противоречит ли оно главной обязанности человека – обязанности жить (как предпосылке любых иных обязанностей)?

Включает ли забота о себе заботу о собственных правах? Если включает, то как эта забота соотносится с заботой о выполнении обязанностей?

Связано ли право на жизнь с человеческой свободой? Главный признак свободы – принятие на себя ответственности за содеянное (вменяемость). Означает ли это готовность ответить жизнью за свои дела?

Чтобы ответить на эти и подобные им вопросы, для начала следует постараться решить те задачи, которые представляются всем нам наиболее очевидными и наиболее близкими, а именно: выяснить статус права на жизнь в ряду прав человека и определить *основания* применения (или неприменения) смертной казни как формы социального распоряжения личной жизнью. Я приглашаю к обсуждению и преподавателей, и студентов, находящихся в этой аудитории.

Позвольте мне открыть заседание нашего «круглого стола».

Г.И. Петрова. Антропологические аспекты права в ситуации культурного кризиса

Начиная разговор, я бы в качестве эпитафии напомнила о казни Сократа – символе вечности заявленной на «круглом столе» темы, возможных вариантов её постановки и одновременно невозможности однозначного, удовлетворяющего и человека, и общество решения. Интересующая нас сегодня

проблема имеет разные аспекты, и мы собрались, чтобы посмотреть на неё с различных позиций – философских, психологических, религиозных и, конечно, юридических.

Остановлюсь на философском плане. Философия прямо и непосредственно, всегда и во всём касается вопросов смерти, ибо, по словам Платона, «учит умирать». Однако философское умирание – это не уход от жизни (тем более насильственный), но поиски бессмертия через отказ от тела ради жизни духа и утверждения жизни сознания. Бессмертие человеку даёт его рационально-рефлексивная способность знать о своей смерти. Человек обязуется жить, зная о своём конце, жить, несмотря на тяжесть рефлексивной мысли, сообщающей ему о ждущей его участи умирания. Если он взял такое обязательство, значит, у него есть естественное право жить. Всё прочее на земле существование, будучи вплетённым в природную ткань, в тиски и «сплошность» её инстинктуальной программы, не знает о себе (не видит и не осознаёт себя) и потому не может обязываться жить, как не нужно ему и право на жизнь тоже.

Какие следствия такой вывод может иметь для той темы, которую мы избрали для сегодняшнего разговора?

Думаю, что если не основным, то всё же стратегически важным итогом мог бы быть посильный вклад в разработку всё ещё отсутствующей и в философии, и в юридической науке специфической междисциплинарной области знания – философии права, которая бы основывалась на философско-антропологическом понимании человека. К такого рода разработкам стимулирует состояние современной философии, её изменившийся стиль мышления. Науки о праве не находятся в изоляции от общей тенденции развития научного и философского знания. Они не могут не рефлексировать по поводу новых подходов как к понятию права, так и ко всей проблематике правовых отношений, рационально оформленных в науке о праве.

Когда мы объясняем возможность трансформаций понятий права, в частности права на жизнь, можно было бы иметь в виду следующее. Прежде всего, это антропологический разворот философии и связанное с ним изменение всего круга проблем бытия, увиденного в конкретике человеческой индивидуальности и уникальности. Новому культурному состоянию должен соответствовать новый антропологический круг проблем и тот культурный герой, который бы обладал адекватным способом ориентации в нём. Но понимание права до сих пор выстроено на основах классических форм концептуализации, предлагающих возведение конкретных форм наличной множественности сущего к всеобщей сущности понятия.

Речь идёт не столько о скорейшем и прямом внедрении в практику социальной жизни всех философских новаций, сколько о необходимости рефлексивного отношения к ним различных наук, обсуждения практических возможностей самой «бесполезной», по словам ещё Аристотеля, науки – философии.

В.А. Уткин. Смертная казнь: «за» или «против»?

Смертная казнь – наиболее дискуссионный вид наказания. Законодательство 35 стран не предусматривает смертную казнь ни за какие преступления.

В 18 странах смертную казнь можно применять лишь в особых обстоятельствах (например, в военное время). Наконец, более 100 стран (в том числе часть союзных республик бывшего СССР) предусматривают смертную казнь за общеуголовные преступления. В США 38 штатов применяют смертную казнь. Некоторые страны, сохраняя смертную казнь в законе, идут по пути моратория на её назначение и исполнение.

Против смертной казни и в защиту её сохранения высказано большое число аргументов. Для России проблема смертной казни приобрела особую актуальность в связи с её вступлением в Совет Европы в январе 1996 г. Основополагающий документ Совета Европы – Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. Один из её дополнительных протоколов (протокол № 6 1983 г.) устанавливает, что в государствах – членах Совета Европы не применяется смертная казнь в мирное время.

Согласно Конституции Российской Федерации (ст. 20, ч. 2), «смертная казнь впредь до её отмены может устанавливаться федеральным законом в качестве исключительной меры наказания за особо тяжкие преступления против жизни при предоставлении обвиняемому права на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей». В соответствии со ст. 59 Уголовного кодекса Российской Федерации смертная казнь как исключительная мера наказания может быть установлена только за особо тяжкие преступления, посягающие на жизнь. Она не назначается женщинам, а также лицам, совершившим преступления в возрасте до 18 лет, и мужчинам, достигшим к моменту вынесения судом приговора 65 лет.

В России смертные приговоры перестали приводиться в исполнение со 2 августа 1996 г. после приостановления Президентом Российской Федерации исполнения данного наказания в связи со вступлением России в Совет Европы. Летом 1999 г. Комиссия по помилованию при Президенте РФ завершила рассмотрение последних дел осуждённых к смертной казни. Всем им смертные приговоры были заменены на 25-летние сроки лишения свободы или пожизненное заключение. В феврале 1999 г. Конституционный Суд Российской Федерации вынес постановление, в соответствии с которым приговоры к смертной казни имеют право выносить лишь суды присяжных, при условии, что они действуют во всех субъектах Федерации. Однако, как известно, до сей поры (и, по крайней мере, до 2010 г.) суды присяжных не созданы в Чеченской Республике. Следовательно, решение Конституционного Суда в отношении приостановления применения смертной казни сохраняет свою силу.

В то же время смертная казнь в России ещё не отменена законодательно, поэтому теоретически возможность её назначения судами присяжных сохраняется.

А.М. Барнашов. От двух мораториев – к полной отмене

Право на жизнь как высшая личная ценность относится к категории основных, неотчуждаемых, принадлежащих каждому от рождения универсальных естественных прав. Эти права не дарованы никакой властью и никем не могут быть отняты во имя каких-либо навязываемых идеологических или иных целей. В ст. 20 Конституции Российской Федерации право на жизнь

закрепляется как гарантированный государством запрет произвольно лишать любого человека жизни. Одним из наиболее сложных и противоречивых элементов права на жизнь является проблема смертной казни.

В современном мире большинство государств законодательно или фактически отменили смертную казнь. В Российской Федерации отмена смертной казни осуществляется в соответствии с Конституцией и международными обязательствами нашей страны. В 1996 г. Россия вступила в Совет Европы, подписала Конвенцию о защите прав человека и основных свобод, а через год – Протокол № 6 о запрете смертной казни (который, правда пока не ратифицирован нашим парламентом). В соответствии с указами Президента РФ был объявлен мораторий на исполнение ранее вынесенных судами смертных приговоров с последующей заменой этого наказания на лишение свободы пожизненно. В феврале 1999 г. Конституционный Суд Российской Федерации принял решение о невынесении смертных приговоров, пока соответствующие дела не будут заслушаны судом присяжных. Таким образом, в Российской Федерации действуют два моратория на применение смертной казни, введенные Президентом и Конституционным Судом. Думается, что следующим шагом на пути к полной отмене смертной казни в России может стать принятие парламентом Российской Федерации – Федеральным Собранием – закона о ратификации Протокола № 6, проект которого был уже дважды отклонён нижней палатой – Государственной Думой, хотя это явно не способствует росту авторитета нашей страны на международной арене.

А.П. Детков. Договоримся о понятиях

В самом начале разговора важно договориться о понятиях, поскольку только это может обеспечить наше взаимопонимание. Понятие права рассматривается, конечно, в контексте всего категориального аппарата юридической науки, и оно не может не нести на себе отпечатка его изменений, что требуется в новых социокультурных условиях в тот или иной исторический период. Так, сегодня это понятие можно было бы увидеть в контексте сравнительно недавно появившегося понятия «общественная безопасность». Об общественной безопасности следует говорить, когда предметом охраны являются жизнь и здоровье человека, его личные и общественные интересы. Однако, к сожалению, вопрос о перечне и содержании преступлений в уголовном законодательстве не определён. Много вопросов имеется и в административном законодательстве. Я это говорю для того, чтобы признать трудности в определении понятия права и, соответственно, встающую в связи с этим как чрезвычайно трудную проблему вынесения приговора о смертной казни.

Главным объектом и субъектом общественной безопасности, конечно, является человек. И вновь встают трудности, ибо человек – самое ценное, по поводу чего рефлексировает наука о праве, но и самое опасное и для себя, и для окружающих существо на Земле. Загадкой остаётся и само понятие «человек». Безошибочно вынести приговор о смертной казни (даже если бы она была безоговорочно легитимна) – дело очень ответственное. В решении этого вопроса юридическая наука может работать только совместно с философией, психологией, культурологией, историей и т.п.

Т.Ф. Кряклина. **Можно ли человека о-предел-ить предел-ами права?**

Действительно, знание (философское, психологическое и т.д.) о человеке есть гарантия в решении проблемы ошибки в вынесении приговора о смертной казни. В концепциях же философии права, разработанных с позиций юриспруденции, при всех их различиях, как правило, доминируют правовые мотивы. Философский профиль здесь не задан философией, а обусловлен потребностями самой правовой сферы в философском осмыслении. Надо сказать, что сама философия такой подход инициирует. Так, в философской классике (например, у Канта) присутствует учение о формальной сущности нравственности, самозаконности Разума и безусловном всеобщем должествовании. Ценность человека, по Канту, в том, что в нём и только в нём присутствует сознание «морального долга». Следовательно, невыполнение его надо рассматривать как преступление.

А между тем человек не укладывается в чисто рациональные рамки. Он столь же не логическое существо, сколь и алогичное, иррациональное. Он не заключается и в пределы жизни, понятой как «вита», т.е. как биологическая жизнь. Благодаря способности к трансцендированию он выходит за пределы биологического, природного, телесного, переходит к иному – духовному плану существования. В этом смысле, как говорил Г. Зиммель, «жизнь – больше чем жизнь». Как заключить эту жизнь в рамки права? Как поставить человеку пределы – о-предел-ить его? Никому в логике ещё не удалось определить человека, поскольку нет более широкого – родового понятия, под которое можно было бы его подвести.

Но это и есть свидетельство тех трудностей, которые человек в своей нео-предел-ённости приносит в юридическую науку, делает её ответственной в своих проблемах и решениях.

Е.А. Мамырканов. **Смертная казнь в России необходима**

Пожалуй, ни один вопрос уголовного права не порождает столько споров и дебатов, как вопрос о смертной казни. И все эти рассуждения сводятся к одному знаменателю. Сторонники отмены смертной казни находят поддержку своему мнению в различных областях знаний. Как правило, это некие философские аспекты, проблемы психологического характера, анализ исторической составляющей и, естественно, религиозные понятия о добре и зле. Вопрос о высшей мере наказания уже давно не является только юридической проблемой. Более того, на мой взгляд, это проблема общества и каждого индивида в частности. Смертная казнь – это лакмусовая бумага, индикатор, определяющий состояние гражданского общества. А это самое общество требует смертной казни: 80% россиян и 79% профессиональных судей – за смертную казнь!

На мой взгляд, представляется совершенно необоснованным желание сторонников отмены смертной казни приравнять Россию к западным странам, заставить нас делать так, как делают «цивилизованные» и «гуманные» страны Европы. О каком гуманизме можно говорить, когда у нас не остыли гильзы после конфликта на Северном Кавказе, не зажили раны после Беслана, «Норд-Оста» и взрывов в Москве?

Россия занимает второе место в мире по количеству осуждённых, находящихся непосредственно в тюрьмах, и первое место по количеству несовершеннолетних преступников. Наша страна стоит в одном ряду со странами третьего мира по коррупционным преступлениям. Мы ещё не навели порядок у себя, и нам ещё очень рано уподобляться другим странам. Великий итальянский гуманист и реформатор уголовного права Чезаре Беккариа выделял два исключения, при которых смертная казнь может и должна применяться. И одним из них является то, что неприменение её угрожает безопасности нации в целом. Сегоднешнее состояние России (при множестве террористических актов, заказных убийств и педофилии) находится под угрозой. И высшая мера наказания является тем фильтром, который оградит наше гражданское общество от преступников, которых абсолютно невозможно исправить.

Священник Александр Классен. Смертная казнь: религиозная точка зрения

Моё личное мнение о смертной казни – отрицательное. Но это не общецерковная позиция, а именно личное мнение. И точнее было бы выразить его в сослагательном наклонении. То есть хорошо было бы, чтобы смертной казни не было. Церковь призвана лечить души людей. И если у человека не отнимают жизнь насильно, значит, у него есть шанс встретиться с Богом и получить прощение. В своей пастырской практике мне уже приходилось видеть убийц, пришедших к Богу по-настоящему, искренне. А ведь в другое время их могли бы казнить.

Однако Церковь не отрицает *возможность* смертной казни, когда она совершается по решению государственных властей. У апостола Павла есть такое выражение на эту тему: *«Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены. Посему противящийся власти противится Божию установлению. А противящиеся сами навлекут на себя осуждение. Ибо начальствующие страшны не для добрых дел, но для злых. Хочешь ли не бояться власти? Делай добро, и получишь похвалу от нее, ибо [начальник] есть Божий слуга, тебе на добро. Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч: он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое»* (Рим 13:1–4). Меч же носят не для того, чтобы им гладить или шлёпать за шалости. Это орудие смерти.

Видимо, решение вводить или не вводить смертную казнь зависит от состояния государства и общества, и они должны решать этот вопрос. Вполне можно представить себе ситуацию, когда государство не в состоянии содержать опасных преступников в заключении. Тогда смертная казнь может быть необходима для того, чтобы оградить мирное население от опасности. Развитые государства вполне могут позволить себе не казнить преступников. И опыт России, мне кажется, вполне положительный. Согласно статистике, приведённой на официальном сайте МВД России, количество убийств в нашей стране неуклонно снижается с 2001 г. Это при том, что в России введён мораторий на смертную казнь. Значит, снизить количество такого рода преступлений можно и без смертной казни.

А.Ю. Ульянов. **Смертная казнь с точки зрения уголовной политики неоправданна**

На определённом этапе все общества и государства применяли смертную казнь, что, по всей видимости, соответствовало нравам и духу того времени. Сегодня уголовное наказание не может быть эффективным, если не отвечает целям уголовной политики. Иными словами, любое уголовное наказание должно органично вписываться в общую систему, адекватно сочетаться с другими видами наказания и уголовной политикой государства. Уголовный кодекс РФ предусматривает 12 видов наказаний за уголовные преступления, при этом одновременно существуют две исключительные меры наказания – пожизненное лишение свободы и смертная казнь. Существование последней, на наш взгляд, неоправданно с точки зрения уголовной политики, структуры уголовного закона и целесообразности применения.

Так, структура Уголовного кодекса РФ не вполне согласуется с положениями ч. 2 ст. 20 Конституции РФ. Согласно ч. 2 ст. 59 УК РФ смертная казнь не назначается женщинам, однако ч. 3 ст. 19 Конституции РФ устанавливает, что мужчина и женщина имеют равные права и свободы. Представляется, что не совсем корректно использование термина «посягательство» в диспозициях ст. 277, 295 и 317 УК РФ.

Кроме того, надо учитывать, что любое уголовное наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений (ч. 2 ст. 43 УК РФ),

Конечно, нельзя забывать, о международных обязательствах, которые взяла на себя наша страна, вступая в Совет Европы.

Единственным аргументом в пользу смертной казни можно считать относительно низкие затраты по сравнению с расходами на содержание пожизненно осужденных. Однако это уже вопросы экономики, а не права.

А.Т. Вельтмандер. **Государство имеет право и должно применить наказание, соответствующее деянию**

Как и в решении любой проблемы, в философском понимании смертной казни можно выделить, по меньшей мере, два подхода: философское обоснование смертной казни и философское отрицание необходимости смертной казни. Против права смертной казни возражали и возражают те философские теории, которые выходят из идеи естественного происхождения прав и договорного образования государства. Так, Фихте не признает за государством права применения смертной казни по следующим соображениям.

1. Люди создают общество по добровольному соглашению с целью обеспечить себе безопасность. Для этого делегируется обществу право на принятие известных мер для охранения общей безопасности. 2. Каждый, вступая в общество, соглашается с правом изгнать его, если он нарушит общественную безопасность. Но право на лишение жизни не может быть отдано обществу в силу чрезвычайности этой меры. Отрицание смертной казни базируется на праве людей самостоятельно выбирать и отказываться от выбора, в том числе связанного с жизнью. Однако данная точка зрения поддерживается не всеми философами в связи с тем, что в этом случае необходимо решить:

жизнь – это дарованное благо или же оно зависит от воли и находится в распоряжении людей.

Государство в качестве субъекта, реализующего общую волю, имеет право и, более того, *должно* применить наказание, соответствующее деянию; в противном случае нарушаются основные принципы, на которых основано общество и в соответствии с которыми устроены основные социальные, гражданские, политические, государственные институты.

М.В. Деменев. **Осуждённый должен обладать правом выбора**

Мне кажется разумным при назначении наказания предоставить осуждённому выбор: смертная казнь или пожизненное заключение без права на амнистию или помилование. Таким образом, государство не выступает в роли палача, исключается возможность судебной ошибки. У человека всегда должен быть выбор, проблема состоит лишь в том, что нам этот выбор не всегда нравится. И вообще, проблема смертной казни интересна больше с философской точки зрения, нежели с юридической.

В.В. Петренко. **Свобода воли субъекта преступления?**

Я бы согласилась с теми выступлениями, в которых звучал мотив права на выбор субъектом преступления меры наказания, если она связана с лишением жизни: смерть или иное, может быть, более тяжкое наказание – остаться в живых и нести тяжесть вины. Бывают ситуации, когда смерть оказывается предпочтительнее жизни. Так, известно, что многие мужчины, выжившие после трагедии «Титаника», чувствовали мучившую их всю жизнь вину. Смерть им казалась избавлением. Проблема свободы воли, как общеправовая проблема, обладает характером всеобщности, и в этом смысле её не может избежать и субъект преступного действия.

Священник Александр Классен.

Можно услышать такое мнение, что отмена смертной казни ущемляет желание преступника, который так раскаивается о содеянном, что хотел бы смерти. На это можно ответить так. Человек – существо изменчивое. Сегодня, в порыве раскаяния, он может пожелать такого, о чём в будущем будет жалеть. Так и с желанием смерти. Только после смерти уже ничего не исправить. Смертная казнь – радикальное действие, и оно не может применяться по желанию самого преступника.

Д.В. Елисеев. **Не следует спешить с правовыми решениями**

Уже на протяжении не одного столетия ведется спор по вопросу – быть или не быть смертной казни в российском уголовном законодательстве. Как нам представляется, на данный вопрос невозможно дать однозначный ответ и найти аргументы, которые бы убедили все стороны.

Мы предлагаем в качестве основы для ответа на поставленный вопрос рассматривать состояние общественного сознания этноса. Хотел бы в этом отношении сослаться на работы Л.Н. Гумилева. Согласно выдвинутой им теории этногенеза цикл оформления этно-социальной системы до превращения этноса в реликт занимает около 1500 лет (плюс–минус 300 лет в случае

воздействия внешнего элемента). Сам процесс этногенеза можно сравнить с жизнью человека, которая состоит из этапов (детство, юность, зрелость и старость). Процесс перехода из одного этапа в другой сопровождается изменениями в психике человека, изменением его отношения к миру, событиям и явлениям. Так, если для юноши характерно агрессивное, резкое отношение к событиям, то в пожилом возрасте человек становится более спокойным и консервативным. То же самое характерно и для состояния сознания общества. Что касается России, то её возраст составляет примерно 700 лет, в переводе на «человеческий возраст» это около 25 лет. В связи с этим состояние общественного сознания российского общества находится на уровне психологии «молодого человека». С этой точки зрения стоит признать, что отмена смертной казни или запрет на её применение не выйдут взвешенными решениями. Такая позиция может только навредить развитию Российского государства и общества – вызвать обратный эффект.

Ю.В. Петров. Смертная казнь: философский и культурологический аспекты

Проблема смертной казни и как её альтернатива – безусловное право человека на жизнь относятся к числу таких гуманистических тем, которые не имеют сегодня бесспорного и абсолютного решения, и рефлексия по их поводу зависит от исторического и культурного контекста.

С древнейших времён по этому вопросу существуют два взаимоисключающих подхода. Хотелось бы остановиться на том из них, который склоняется к идее абсолютного права человека на жизнь. Напомню мнение Виктора Гюго, который ставил цель «внушить высшим классам отвращение, а низшим ужас перед смертной казнью». В.Г. Белинский в статье «О русской повести и повестях г. Гоголя» писал: «Гюго никогда не был осуждён на смертную казнь, но какая ужасная, раздирающая истина в его “Последнем дне осуждённого”!». Ф.М. Достоевский утверждал: «Убивать за убийство – несоизмеримо большее наказание, чем самоё преступление. Убийство по приговору – несоизмеримо ужаснее, чем убийство разбойничье». Не случайно Достоевский в записной тетради 1875–1876 гг. назвал повесть В. Гюго «бесмертным произведением».

Е.В. Барнашова. Значимость, тайна и глубина человеческого существования – выше, объёмнее всех временных понятий вины и преступления

На волне либеральных настроений во Франции, предшествовавших Июльской революции 1830 г., Виктор Гюго написал повесть «Последний день приговорённого к смерти» (1829). Писатель включился в борьбу против смертной казни, используя художественные средства, которые могут воздействовать эффективнее прямолинейных деклараций. Он создал психологический этюд, в котором ярко, с потрясающей наглядностью представил ощущения человека, проживающего свой последний день и осознающего это. Показал его пробуждение последним утром, метания между надеждой и отчаяньем, прощание с дочкой, его ужас при всех подготовительных процедурах, при виде священника и т.д. Позднее эта повесть произвела сильное впе-

чатление на русского писателя Ф.М. Достоевского, который, как известно, сам был приговорён по делу петрашевцев к смертной казни и 22 декабря 1849 г. прожил этот жуткий последний день, прошёл процедуру подготовки к казни, заменённую в последний момент каторгой. Кстати, свершись тогда суровое правосудие, которое, казалось бы, диктовалось правотой государственных интересов, не было бы у нас великого писателя. Можно только догадываться, какие процессы происходили в тот страшный день в его душе. Возможно, они многое объясняют в его последующем творчестве – болезненный надрыв, обнажённость всех чувств, напряжённую рефлексию на темы преступления и наказания. Поводы поразмышлять об этом у него были (кстати, вспомним, что он был сыном человека, которого забили его крестьяне за жестокое обращение с ними). Достоевский много говорит о милосердии к человеку, о сострадании к нему, как бы низко он ни пал, верит в возможность его возвращения к Богу. Напоминает об огромной онтологической ценности каждого человека, и эти значимость, тайна и глубина человеческого существования – выше, объёмнее всех временных понятий вины, преступления. Мы знаем, что многие понятия – преступление и наказание, добро и зло, цена жизни и смерти – исторически, социально, национально детерминированы, определяются социокультурной ситуацией. Когда-то приемлемыми были человеческие жертвоприношения, потом эти жестокие обычаи изживались. То же – с публичными казнями. Со временем, скорее всего, будет изжита и сама казнь.

Великие писатели XIX в. показали: «Как ничтожна боль физическая по сравнению с душевной болью!» (Гюго). Для общества важнее физического уничтожения преступника те процессы, которые происходят в душе, – страх, отчаяние, возможно, раскаяние, духовное исцеление и обновление. Казнь делает бессмысленной всю эту духовную работу. Конечно, абстрактный гуманизм приложим не ко всем конкретным случаям и преступникам. Но здесь намечается главный вектор развития общественного отношения к казни как способу устранения социальных и нравственных язв: важнее лечить, а не ампутировать. Другое дело, готово ли общество к этому.

С.С. Аванесов:

На этом предлагаю закончить наш первый обмен мнениями по теме «Право на жизнь и обязанность жить». Огромное спасибо всем присутствующим за участие в нашем «круглом столе». Приглашаю всех продолжить обсуждение данной темы в рамках наших последующих мероприятий.

Подготовка материалов: *С.С. Аванесов, Г.И. Петрова*